

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФАКТОРАХ В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Гагик Арутюнян¹

Ключевые слова: Евразия, интеграция, цивилизационные факторы, безопасность, триада идеологий, критические инфраструктуры

Евразийская интеграция имеет богатую предысторию, о которой современные эксперты, исходя из определенных соображений, предпочитают скромно умалчивать. Обусловлено это тем, что, как только прозвучали слова о подобной интеграции, со всех сторон посыпались жесткие обвинения в том, что таким образом Россия стремится «восстановить СССР», который для некоторых до сих пор ассоциируется с «Империей зла» и тем самым является главной опасностью для «свободного Западного мира». Между тем вскоре исполнится уже тридцать лет со времени распада СССР и «соцлагеря» в целом, так что пора относиться к этому феномену без комплексов и ностальгических чувств, а лишь с точки зрения поиска исторических закономерностей, которые могут быть полезны для будущего.

Поэтому нелишне еще раз вспомнить, что на начальном этапе биполярного миропорядка евразийский интеграционный процесс охватил огромное пространство от Берлина до Пекина, что в свою очередь являлось продолжением известных цивилизационных и геополитических традиций Российской империи еще царской эпохи. Несомненно, такое положение стало возможным благодаря итогам Второй мировой войны. Очевидно также, что основным интегрирующим фактором являлась, конечно, монополярная коммунистическая идеология, в которой допускались лишь небольшие модификации местного характера. Вместе с тем в цивилизационном и геополитическом смысле вовсе не было случайностью, что в «соцлагере» был представлен весь «славянский мир», и даже «югославская специфика» не очень влия-

¹ Директор научно-образовательного фонда «Нораванк».

ла на положение дел в этой сфере. Конечно, в этом огромном мультигосударственном образовании не обошлось без эксцессов – «венгерские события», «пражская весна», движение Леха Валенсы в Польше, не говоря уж о советско-китайском скандальном «разводе», кульминацией которого стали боевые действия на острове Даманский. Однако во всех случаях нельзя игнорировать и тот факт, что все интегрированные в этом сообществе государства продуктивно взаимодействовали и пользовались известными благами, развивались в экономическо-технологическом направлениях и практически по всем пунктам занимали твердое второе место в мире. Основным недостатком этой системы была монополярная и бюрократизированная идеология, которая и стала главной причиной развала всей этой конструкции.

Возвращаясь же в нашу эпоху, когда в рамках ЕАЭС и ОДКБ происходит процесс восстановления интеграции между некоторыми постсоветскими республиками, первым делом следует не повторять «советские» ошибки, но при этом постараться воспользоваться наработанными в те годы достаточно эффективными управленческими технологиями. С учетом современных сложных реалий, когда политика применения технологий «управляемого хаоса» способствует формированию «глобальной критичности», уничтожающей основы существующего миропорядка¹, следует в первую очередь учесть следующие факторы:

- Сегодня налицо признаки того, что монополярная либеральная идеология, как и в свое время коммунистическая, начала показывать все признаки деградации. Как следствие, процессы глобализации в реальном пространстве стали замедляться, а иногда и трансформироваться в тренды изоляционистского характера.
- Параллельно с процессом деглобализации в реалиях современного переходного миропорядка сегодня наблюдается форсированная глобализация виртуального пространства, в которой, невзирая на попытки сопротивления отдельных государств, стираются все границы между странами, обществами и отдельными гражданами.

¹ Арутюнян Г., Актуальность адекватного восприятия «сложностей» // «Глобус», #6(95), с. 4, 2018, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=1759,

Бартош А., Агрессия нового типа // НВО, #18(996), 2018, Арутюнян Г., Фрагментированный или «довестфальский» миропорядок,

http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=16546,

Бордачев Т., Третья тридцатилетняя война,

http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=17368.

- Виртуальная глобализация, в силу своей специфичности, способна как стимулировать, так и нивелировать распространение и развитие идеологических установок и цивилизационных традиций.

По поводу последнего пункта позволим отметить, что вовсе не исключено, что формирование параллельного виртуального мира и его обитателя – «*homo virtualicus*»¹, может со временем (с учетом современных сложных гибридных реалий, в которых виртуальные операции играют важную роль) в корне изменить прежние представления о миропорядке, идеологии и цивилизационных факторах. При этом (и на это указывают многие футурологи) возможными партнерами и конкурентами «*homo virtualicus*» могут стать роботы, которые также функционируют по своим специфичным, но, надо полагать, не очень сложным стереотипам. Если экстраполировать современные тренды и при этом немного дать волю воображению, то не исключено, что со временем в социальных сетях начнется кампания по «защите гражданских прав роботов», в ходе которой, скорее всего, не будут забыты и их права в сфере гендерных взаимоотношений. Наряду с этим некоторые аналитики серьезно озабочены ростом влияния ТНК, НПО и ЧВК, что может привести к превращению национальных государств в некие административные структуры в руках ТНК и НПО. Частные же военные организации будут выполнять боевые задачи по приказу транснациональных компаний, а в некоторых случаях, исходя из собственных корпоративных интересов, будут действовать по своему разумению².

Исходя из таких сценариев, в рамках тезиса «временной триады»³ особое значение приобретает сопоставление знаний о прошлом, настоящем и возможном будущем. Такое возможно лишь при разработке новых методов прогнозирования, что позволит лучше «готовиться к будущему»⁴. Вместе с тем такая готовность подразумевает создание алгоритмов действий, и поэтому мы обратимся к вопросам, связанным с идеологией.

¹ *Harutiunyan G.*, “Homo virtualicus” in the context of postdemocracy and information security // 21-st Century, #1(9), p. 3, 2011.

² *Переслегин С.*, Прогнозируемое будущее, http://www.noravank.am/rus/video/detail.php?ELEMENT_ID=17547, *Переслегин С.*, «Новая регионализация», <https://www.youtube.com/watch?v=IqVcpFKLsmA>, *Тьерри Мейсан*, Открытое письмо президенту Трампу о последствиях событий 11 сентября <http://www.voltairenet.org/article202671.html>.

³ *Арутюнян Г.*, Актуальность адекватного восприятия «сложностей» // Глобус, #6(95), с. 4, 2018. http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=17599.

⁴ «Индекс готовности к будущему», http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-18_igb.pdf.

Актуальность формирования «идеологической триады»

«Философские парадигмы марксистского и либерального идеологического демонизма едины».

*Карл Шмитт*¹

«Тотальная победа «рынка» более опасна, чем установление монопольной социалистической идеологии».

*Даниел Белл*²

Термин «идеология» в начале XIX в. ввел в обращение Антуан Дестют де Трасси, член парижского элитарного научного центра – Института³. Согласно классическим представлениям, идеология определяется как «система взглядов, характеризующая общество, личность и окружающий нас мир». Эту формулировку можно считать теоретической основой для замечательной формулировки Вячеслава Янко, который придал динамичность понятию «идеология», определив ее как «комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим функционирования и взаимосвязанности протекающих процессов»⁴.

Принято считать, что существуют две универсальные идеологии – социалистическая (основной постулат – принципы социального равенства в обществе) и либеральная (в основе – приоритет свободы личности). Подобная классификация обусловлена тем, что содержание принципов, составляющих смысловую основу этих идеологий, в той или иной степени может использоваться практически всеми обществами, независимо от их этнических, религиозных и других представлений цивилизационного характера. В отличие от этих двух, национально-консервативные идеологии опираются на присущую конкретному социуму национально-цивилизационную ценностную систему, представления об идентичности и традициях. Заметим, что иногда возникают и «гибридные» идеологии, примером которых может служить немецкий национал-социализм, представляющий собой сплав радикализированных национально-консервативных и социалистических подходов.

¹ Шмитт К., Диктатура от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. – СПб.: Наука, 2005. – 326 с.

² Белл Д., Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999.

³ Термин «институт» возник в указанный период. Членом парижского Института был и Наполеон Бонапарт.

⁴ Янко В.А., <http://yanko.lib.ru>.

С течением времени идеологии, несмотря на относительную незыблемость их основных постулатов, подвергаются определенным изменениям. Иногда это приводит к положительным результатам, но случается и наоборот. Но наибольшие испытания начинаются тогда, когда какая-либо идеология обретает монополию и абсолютное доминирование. Как правило, это приводит к тяжелым последствиям, как это случилось в Третьем рейхе. Между тем исторический опыт свидетельствует, что общества, способные в продуманных пропорциях совмещать либеральную, социалистическую и национально-консервативную идеологии, демонстрируют прогресс и развитие. Подчиняющаяся этой закономерности «полиидеологическая» система получила название «идеологическая триада»¹. Подобная триада увеличивает разные, прежде всего духовные и интеллектуальные ресурсы общества, а политической системе придает гибкость как во внешних, так и во внутренних делах. Все это повышает уровень национальной и, в частности, информационной безопасности, т.к. идеологические постулаты внедряют конструктивный контент в информационное пространство социумов и тем самым защищают их от внешних информационных интервенций.

В контексте сказанного попытаемся вкратце сопоставить и оценить эффективность деятельности некоторых стран в зависимости от характеристик их идеологической системы.

Англо-американские технологии. Классической моделью конкурентоспособной «полиидеологичной» системы является британская, которая в той или иной форме была имплементирована также в остальных англоязычных странах. Для обществ этих стран характерна идеологическая толерантность: адепты консервативных и лейбористских (социалистической направленности) концептов разработали взаимодополняющие механизмы и совместно функционируют на либеральном идеологическом поле, близком англосаксонскому менталитету. Этим фактором следует объяснять крупные стратегические достижения Британской империи (принято считать, что Соединенные Штаты – правопреемники этой империи) и тот факт, что за последние несколько веков англосаксы сумели сохранить мировое лидерство.

Примечательно, что США, переняв политическую логику британцев, из-за своеобразия своего исторического развития проигнорировали важность социалистической ориентации. В результате культивация либерализма при-

¹ Арутюнян Г., Распад «системы» и формирование будущего. – Ер.: НОФ «Нораванк», с. 90, 2011, «Информационная безопасность» (Гл. ред. Арутюнян Г.) – Ер.: НОФ «Нораванк», с. 176, 2017.

вела к тому, что эта держава стала утрачивать позиции мирового лидера. Наличие идеологических упущений, кажется, осознано американским истеблишментом, и именно этим обуславливается, например, участие социалиста Берни Сандерса на предварительном этапе президентских выборов в США 2016г. Более того, создается впечатление, будто победивший на этих выборах Дональд Трамп начал борьбу против радикализированных постулатов «левого либерализма» и в этом смысле слегка напоминает советского лидера Н.С.Хрущева, значительно реформировавшего принявшую тоталитарный характер коммунистическую систему.

Китайская модель. С точки зрения оценки значения идеологии, особого внимания заслуживает «китайское чудо». Всего несколько десятилетий назад моноидеологичный коммунистический Китай по всем параметрам уступал передовым странам. Ситуация резко изменилась, когда Мао Цзе Дуна сменил Ден Сяопин, ставший фактическим лидером КНР и внедривший в монопартийную систему элементы либерализма и национального консерватизма (условно – конфуцианства). Примечательно, что наряду со всем этим были сохранены все преимущества, обусловленные «руководящей» социалистической идеологией. Однако даже в этом универсальном учении использовались постулаты мыслителя и философа Vв. до н.э. Мо-Цзы, считающегося основоположником китайского социализма. Иными словами, социализм был адаптирован к китайским традициям и менталитету. В результате Китай стал сверхдержавой и лидером в экономической и технологической сферах. Достижения КНР обусловлены также и тем, что в административно-политической системе страны действуют принципы меритократии¹, согласно которым руководящие должности должны занимать наиболее способные и подготовленные лица.

Израильский опыт. «Идеологическая триада» дает хорошие результаты не только в крупных государствах. Например, находящийся в ситуации перманентного конфликта Израиль с первых лет своего создания основал в приграничных областях примерно 200 кибуцев – сельскохозяйственных коммун, которые выполняют также функции пограничных войск. Кибуцы, по своему укладу напоминающие советские колхозы, были созданы в результате соче-

¹ Меритократия (лат. *meritus* – достойный) – власть достойных. Характерно, что принципы полиидеологии и меритократии по-своему применяются и в Иране, где в государственной системе важную роль играют Совет экспертов и Совет целесообразности. Подобная система позволила Ирану противостоять десятилетиям западных санкций.

тания идеологий национально-консервативного (порой ортодоксального) и социалистического толка. Подобный симбиоз обеспечивает высокий патриотический дух защитников границ, которому немало способствует социалистический принцип общего равенства, который, к тому же, содержит в себе и организационно-мобилизационный фактор.

Идеологические революции в России. Наряду с национальными и либеральными идеями менталитету значительной части российского общества близки социалистические подходы, основой которых принято считать традиционную структуру русской сельской общины. Известно, что в России мировоззренческие противоречия привели к революциям (в 1917г. – социалистической, а в 1991г. – либеральной) со всеми вытекающими из этого последствиями. В результате, обладающая необходимыми предпосылками и амбициями на роль мирового лидера Россия в последнее столетие периодически оказывается в сложных ситуациях. Характерно, что если после 1917г. была установлена диктатура коммунистического мировоззрения, то после 1991г. в стране начала господствовать другая крайность: Конституция РФ (статья 13) наложила вето на любую государственную идеологию, тем самым устанавливая как бы запрет на ценности и идеи, принимаемые на уровне государства. В реальности же такое решение означало лишь монопольное доминирование вульгарных либеральных установок, что в постреволюционный период привело к деградации практически во всех сферах жизнедеятельности¹. Примерно по такому же сценарию развивались события практически во всех постсоветских республиках. Отрезвление началось лишь лет через десять, и сегодня российские власти стремятся совмещать разные идеологические течения. Ныне, помимо коммунистической партии, действует также в определенном смысле просоциалистическая «Справедливая Россия», а лидирующая партия «Единая Россия» считается консервативной. В итоге в России начался процесс восстановления, и сегодня РФ уже занимает лидирующие геополитические позиции и, несмотря на санкции (а по другой версии – возможно, именно благодаря этим санкциям), укрепляет свою стремящуюся к самодостаточности экономику. Однако в любом случае следует констатировать, что несовершенство идеологической системы отрицательно влияет на развитие российского и в этом контексте – всего евразийского социума.

¹ Багдасарян В., О запрете государственной идеологии в Конституции РФ, <http://rusrand.ru/analytics/o-zaprete-gosudarstvennoj-ideologii-v-konstitutsii-ru>.

Из приведенных примеров следует, что именно гармоничность идеологического пространства предопределяет эффективность национальной стратегии общества. Между тем в вовлеченных интеграционные процессы республиках дела в сфере идеологии не настраивают на оптимистический лад. Следует, возможно, стремиться к формированию общих для стран ЕАЭС партий с близкими идеологическими установками, применяя при этом методы «мягких» и информационных технологий. К примеру, с учетом традиций бывшего союзного государства, можно сформировать в СНГ реально функционирующую ассоциацию партий социалистической направленности. Полезен тут и опыт Европы, где важную роль играет консервативная правопоцентристская Европейская народная партия (ЕНП), включающую в себя 73 коллективных члена, национальные партии из 39 стран, в том числе не входящих в ЕС. ЕНП декларирует свою приверженность европейским цивилизационным ценностям, которые не чужды (если не сказать - достаточно близки) многим и в странах, входящих в ЕАЭС и ОДКБ, т.е. есть предпосылки для формирования ассоциации из подобных партий и в евразийской зоне. При этом наряду с другими консервативными концептами можно было бы использовать в этом процессе также традиции «советской цивилизации»¹. Между тем в идеологических тезисах, которые можно встретить в информационном пространстве постсоветских республик, слово «цивилизация» встречается довольно редко.

Цивилизационный фактор

Как известно, в современных гибридных реалиях особое место занимают информационные войны третьего поколения², основными задачами которых, в частности, являются:

- способствование разложению социально-нравственных основ и системы ценностей общества противника,
- внедрение собственного культурно-цивилизационного кода в общественное сознание противников, а в некоторых случаях и союзников, используя манипуляционные технологии³.

¹ Кара-Мурза С., Советская цивилизация. – М.: Алгоритм, 2001.

² Гриняев С., Поле битвы- киберпространство, – Мн.: Харвест, 2004. Арутюнян Г., Гриняев С., Арзуманян Р., Информационные войны новой формации // 21-й Век, #3(04), 2016, с. 4.

³ Что вполне в духе некоторых тезисов Хантингтона (см. Хантингтон С., Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003).

Как следует из этих установок, система этнических, а в более общем плане – цивилизационных ценностей является сегодня (как и, впрочем, в прошлом) одной из важных стратегических целей современных войн. Поэтому неудивительно, что конкурирующие с ЕАЭС и ОДКБ страны уделяют данному вопросу особое внимание и, с целью выявления ценностных характеристик конкурентных обществ, создали международные организации, которые систематично проводят соответствующие исследования во многих странах мира¹. Наряду с этим информационные войны новой формации сопровождаются также масштабными операциями по формированию политической элиты нужного мировоззрения, способной, не очень считаясь с мнением общественности, принимать решения определенной направленности.

Цивилизационная мотивация и потенциальные союзники. Цивилизационная ориентация является острым вопросом не только в контексте выявления системы ценностей противников и разработки методов для «взлома» этой системы, но и при выборе союзников. Ведь очевидно, что цивилизационная близость стран является позитивным фактором в межгосударственных отношениях. В этом контексте большой интерес представляют результаты глобального опроса, проведенного компанией *WIN/Gallup International* в ноябре-декабре 2016г. в рамках ежегодного проекта «Конец года» (*End of the Year*)², во время которого респондентам в 68 странах мира был задан следующий вопрос: «Какую из 6 стран с наибольшим военным потенциалом – США, Китай, Россия, Францию, Великобританию и Индию – Вы бы предпочли выбрать своим союзником в случае военного вторжения в Вашу страну?»³. На основе результатов опроса в Таблице 1 представлены списки первых 8 стран, которые в качестве стратегического союзника выбрали США и РФ соответственно.

Из представленных в Таблице данных заслуживает внимания доминирование прагматичности в обществах, выбравших для себя потенциальным союзником США в случае военной агрессии. Мотивация практически всех этих стран обусловлена фактором безопасности. К примеру, наибольшая степень предпочтения США в качестве союзника отмечена в Косово, т.к. имен-

¹ См., например, World Values Survey, <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

² WIN/Gallup International. End of year 2016. Gallup International/Помир. 02.05.2017. http://romir.ru/studies/904_1493672400/.

³ Всего было опрошено более 66.5 тысяч человек. В каждой стране опрос проводился по национальной репрезентативной выборке. В России полевые работы проводились исследовательским холдингом Romir по городской репрезентативной выборке (1000 респондентов), а в Армении – компанией Marketing Professional Group LLC, путем опроса городской репрезентативной выборки (1104 респондентов). В среднеазиатских республиках и Грузии опросы не проводились.

но США (и НАТО) Косово обязано самим фактом своего существования (мотивация Албании тоже обусловлена позицией США по Косово). Высокая степень предпочтения США в Южной Корее, Японии, во Вьетнаме и на Филиппинах вызвана озабоченностью этих стран восхождением Китая и растущей военной мощью Северной Кореи. Не требует комментариев также мотивация Израиля. Вместе с тем отсутствие в таблице представителей «англосаксонского мира» (Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия) обусловлено не скептицизмом этих стран по отношению к США в вопросах безопасности, а тем, что реальные их взаимоотношения диктуются цивилизационной близостью, а военно-политические отношения закреплены множеством договоров. Таким образом, ориентации в вопросах безопасности в этих странах как бы подразумеваются и тем самым не нуждаются в том, чтобы их огласить по ходу соцопросов.

Таблица 1

Первые 8 стран, выбравших в качестве военного союзника США и РФ соответственно, 2016г. Степень предпочтения респондентов приведена в процентах, очередность стран – по степени убывания предпочтений

No	США		РФ	
	1	Косово	92%	Монголия
2	Юж. Корея	81%	Армения	67%
3	Папуа Новая Гвинея	70%	Сербия	56%
4	Израиль	68%	Греция	48%
5	Филиппины	67%	Китай	47%
6	Албания	66%	Болгария	42%
7	Вьетнам	66%	Украина	33%
8	Япония	64%	Словения	30%

Совершенно иную, в известной мере – иррациональную, ситуацию мы наблюдаем в случае отношения к России. Как следует из *Таблицы*, в своих отношениях к РФ руководствуются соображениями безопасности лишь Монголия и Китай (соответственно 1-ое и 5-ое места). В остальных случаях в доверительном отношении к России превалируют цивилизационные (Сербия, Болгария, Украина и Словения, т.е. представители Славянского мира) и традиционные, исторические мотивы. Характерно, что в конце 2016г. Россию предпочли 33% украинских респондентов и это при практически военном противостоянии между этими странами. Особого рассмотрения требуют вопросы, свя-

занные с Арменией и Грецией. Примечательно, что в качестве союзника России выбрал лишь единственный в списке член ОДКБ и ЕАЭС Армения (2-ое место), для которой вопросы безопасности сегодня крайне актуальны. Вместе с тем в данном случае, несомненно, важную роль играет также цивилизационная ориентация. Характерно, что данный фактор сближает Армению и с Грецией (4-ое место в списке), которая к тому же является членом НАТО¹. Бесспорно, что такое положение является следствием не только совместной борьбы этих стран против Османской империи, но и принадлежности к общим византийским – православным ценностям и традициям.

Если же подвести итоги по российскому сегменту соцопроса, то можно, с точки зрения евразийской интеграции, зафиксировать, что в этом проекте важной движущей силой могут стать цивилизационные факторы, усиленные исторически присущей российской политике сочетанием геополитической стратегии с мессианством (что сегодня наблюдается в известных процессах в Сирии, Донбассе и Луганске). В этой связи желательно уделять особое внимание тем славянским странам, в которых, невзирая на деформированные ориентации собственной политической элиты, в обществе сохраняется традиционная тяга к России, а тем самым и желание участвовать в соответствующих интеграционных процессах. Наряду с этим в новых реалиях ареал Евразийской интеграции можно расширить и за счет установления особых отношений с Грецией и другими европейскими странами.

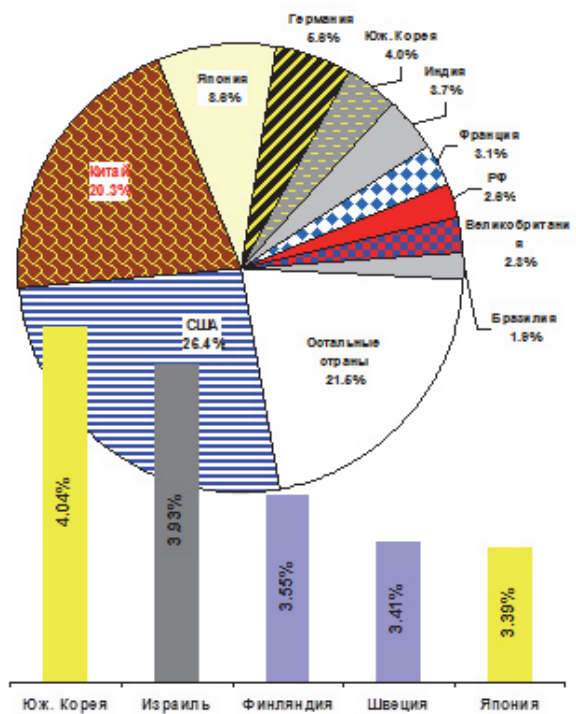
Критичность научно-технологической сферы в интеграционных процессах. В контексте сказанного выше отметим, что внутри официальных форматов евразийского сотрудничества далеко не все гладко, о чем свидетельствует, к примеру, отсутствие Беларуси в первой восьмерке стран, общества которых надеются на помощь РФ в случае агрессии. Есть основания полагать, что подобного рода неувязки в стратегии интеграционных процессов в определенной степени обусловлены уровнем информированности (в смысле знаний) принимающих решение политиков и тех обществ, которые они представляют².

¹ Характерно, что по социологическим данным 57% респондентов в Греции негативно относятся к НАТО, How people view NATO, Pew Research Center, <https://yandex.ru/images/search?text=how%20people%20view%20nato%2C%20pew%20research%20center&stypе=image&lr=10262&source=wiz>.

² Арутюнян Г.А., Марджанян А.А., Научный ландшафт в полицентричном мире // «21-й Век», #1(42), 2017. http://www.noravank.am/upload/pdf/21VEK_01_2017.pdf.

Рис. 1

НИиОКР в 2016г. Распределение стран первой десятки по их долям в мировых затратах на НИиОКР (наверху) и пятерка стран-лидеров по затратам на НИиОКР в % от ВВПппс страны (внизу)

Исходя из приведенной выше аксиомы, проведем корреляции между экономическими параметрами некоторых стран и их научно-технологическим потенциалом. Для этого были использованы данные о затратах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИиОКР, *R&D*), приведенные к паритету по покупательной способности (ВВПппс), а также затраты на НИиОКР, выраженные в проценте от ВВПппс¹. Как следует из Рис. 1, Россия занимает 7-ое место по долям в мировых затратах на НИиОКР и не входит в пятерку стран с высоким процентом трат на НИиОКР от ВВПппс. Между тем в современных реалиях только при высоком научно-технологическом уровне возможен прогресс в социальной и экономической сферах, которые и стимулируют интеграционные процессы. По этому поводу заметим, что после распада СССР практически все постсоветские респуб-

¹ www.rdmag.com.

лики понесли огромные потери в научной сфере. Существующие по этому вопросу данные несколько расплывчаты, но речь идет о закрытии нескольких тысяч НИИ, а также деградации академической системы. В итоге счет покинувших страну высококлассных специалистов пошел на сотни тысяч. В Армении, к примеру, количество ученых и инженеров сократилось в 8 раз. Нелишне отметить, что в 1975г. научных сотрудников в СССР было более 1 млн., то есть примерно 25% от совокупного числа ученых всего мира в те годы. В то время крайне важно было и то, что выполнение четко запланированных и скоординированных научно-технологических проектов сопровождалось систематическим профессиональным общением в рамках научной элиты, что способствовало синергизму выполняемых работ.

Вместе с тем в те годы в общественных науках господствовала моно-идеология, не поощрявшая разработки в сфере эффективных общественно-политических технологий, и эту принципиальную ошибку следует не допускать в новых реалиях процесса евразийской интеграции.

Из изложенных выше фактов и соображений следует, что, несмотря на позитивные сдвиги в сферах безопасности и экономики, в процессах евразийской интеграции имеют место еще немало проблем. На наш взгляд, критической инфраструктурой в этом процессе является научно-технологическая сфера. Заметим, что эта сфера обеспечивает не только военную безопасность и развитие экономики, но и положительно влияет на общества евразийских стран. Ведь очевидно, что именно развитая и интеллектуальная общественность способна реально оценить полезность интеграции и генерировать необходимые цивилизационно-идеологические концепты.

Ноябрь, 2018г.

ԵՎՐԱՍԻԱԿԱՆ ԻՆՏԵԳՐԱՆ ԳՈՐԾՆԹԱՑՈՒՄ ՔԱՂԱՔԱԿՐԹԱԿԱՆ ԵՎ ԳԱՂԱՓԱՐԱՆՈՍԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՆՆԵՐԻ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՁ

Գազիկ Հարությունյան

Ամփոփագիր

Եվրասիական ինտեգրացիան հարուստ նախապատմություն ունի, և ավելորդ չէ հիշել, որ դեռևս 20-րդ դարի երկրորդ կեսին այդ ինտեգրման տրամաբանությանն էր ենթարկվում վիթխարի մի տարածք՝ Բեռլինից մինչև Պեկին, ինչն իր հերթին հանդիսանում էր ցարական դարաշրջանի Ռուսական կայսրության քաղաքակրթական և աշխարհաքաղաքական ավանդույթների շարունակու-

թյունը: Մեր ժամանակներում ԵԱՏՄ և ՀԱՊԿ շրջանակներում ինտեգրվելու գործընթացի արդյունավետությունն ապահովելու համար հարկավոր է ոչ միայն օգտագործել պատմական փորձը, այլև կիրառել նոր, արդի հիբրիդային իրողություններին ադեկվատ քաղաքական և հումանիտար տեխնոլոգիաներ: Այս համատեքստում խիստ կարևոր է օգտագործել գաղափարախոսական ռեսուրսը՝ այն ներկայացնելով, Վ.Յանկոյի ձևակերպման համաձայն, որպես «հրահանգների համալիր, որն ապահովում է ընթացող գործընթացների գործառության և փոխկապվածության ամենաարդյունավետ ռեժիմը»: Ինչպես ցույց է տալիս համեմատական վերլուծությունը, իրենց զարգացման մեջ ամենաշատ արդյունքներ ստացել են այն երկրները, որոնք կարողացել են իրենց հասարակություններում ներդնել «գաղափարախոսությունների տրիադան» կազմված սոցիալիստական, լիբերալ և ազգային-պահպանողական գաղափարախոսություններից: Հողվածում առաջարկվում է օգտագործել սույն օրինաչափությունը եվրասիական ինտեգրումն օպտիմիզացնելու նպատակով:

Նաև ցույց է տրված, որ ազգային-պահպանողական գաղափարախոսության հետ կապված հարցերը զուգակցվում են քաղաքակրթական պատկերացումների հետ, որոնք կարևոր դեր են խաղում ինտեգրացիոն գործընթացներում, մասնավորապես՝ այլ երկրների հետ դաշնակցային հարաբերություններ հաստատելիս: Միննույն ժամանակ, աշխատանքի արդյունավետությունն ինչպես գաղափարախոսական, այնպես էլ քաղաքակրթական ուղղություններով հիմնականում որոշվում է գիտատեխնոլոգիական ոլորտի զարգացմամբ, որը հանդիսանում է կրիտիկական ենթակառուցվածք եվրասիական ինտեգրացիոն գործընթացում:

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФАКТОРАХ В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Гагик Арутюнян

Резюме

Евразийская интеграция имеет богатую предысторию и нелишне вспомнить, что еще во второй половине XX века логике этой интеграции подчинялось огромное пространство от Берлина до Пекина, что в свою очередь являлось продолжением цивилизационных и геополитических традиций Российской империи царской эпохи. В наше время для обеспечения эффективности процесса интеграции в рамках ЕАЭС и ОДКБ нужно не только использовать исторический опыт, но и применять новые, адекватные современным гибридным реалиям политические и гуманитарные технологии. В этом контексте крайне важно использовать идеологический ресурс, интерпретируя его, согласно формулировке В.Янко, как «комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим функ-

ционирования и взаимосвязанности протекающих процессов». Как показывает сравнительный анализ, наибольших результатов в своем развитии получили те страны, которые сумели внедрить в своих обществах «триаду идеологий», состоящую из сочетания социалистической, либеральной и национально-консервативной идеологий. В статье предлагается использовать данную закономерность в целях оптимизации евразийской интеграции. Показано также, что вопросы, связанные с национально-консервативной идеологией, перекликаются с цивилизационными представлениями, играющими важную роль в интеграционных процессах, в частности, при установлении союзнических отношений с другими странами. Вместе с тем, продуктивность работы как в идеологическом, так и в цивилизационном направлениях во многом определяется развитием в научно-технологической сфере, которая является критической инфраструктурой в евразийском интеграционном процессе.

ABOUT THE CIVILIZATIONAL AND IDEOLOGICAL FACTORS IN THE EURASIAN INTEGRATION PROCESS

Gagik Harutyunyan

Resume

Eurasian integration has rich history, and it is worth mentioning that in the second half of the 20th century a huge space from Berlin to Beijing used to conform to the logic of such integration, which in its turn was an extension of the civilizational and geopolitical traditions of the Russian Empire. Presently, in order to ensure the effectiveness of the integration processes within the framework of EAEU and CSTO, it is necessary not only to use the historical experience, but also apply new political and humanitarian technologies that are adequate for the current hybrid realities. In this context it is crucial to utilize the ideological resource, interpreting it in line with the definition by V. Yanko as: “a complex of instructions to ensure the most effective mode of functioning and interconnection of occurring processes”. A comparative analysis demonstrates that the societies which had been able to optimally combine liberal, socialist and national-conservative ideologies to form an “ideological triad” are most successful in their development. The article suggests using this concept for optimization of the Eurasian integration. It is also contended that issues related to the national-conservative ideology closely echo civilizational notions that play an important role in the integration processes, in particular, in alliance forging between countries. At the same time, the effectiveness of work in both ideological and civilizational dimensions depends in many ways on the science and technology development, which is a critical infrastructure in the process of the Eurasian integration.